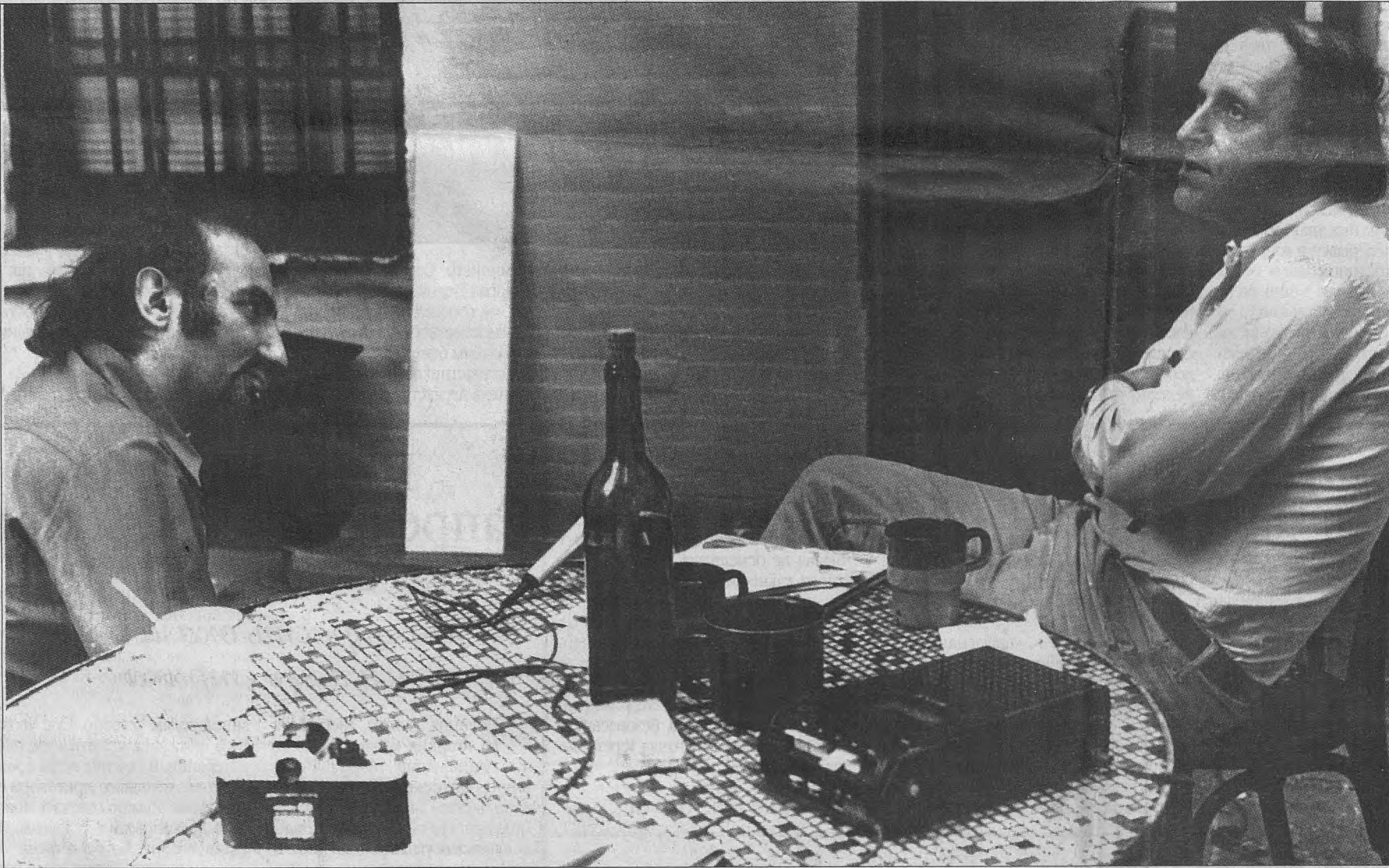

Кто кого хотел поцеловать

Из жизни поэтов

Иосиф Бродский — Соломону Волкову: «Евтушенко — это человек, который не только не говорит о чужих делах — он о них просто не думает!»

Соломон Волков. Я весь — внимание... Иосиф Бродский. Приезжаю я, значит, в Москву поставить эти самые ви-зы, и когда я закрутился, разда-ется телефонный звонок от при-ятели, который говорит:

— Слушай, Евтушенко очень хочет тебя видеть. Он знает все, что произошло.

А мне нужно в Москве убит часа два или три. Думаю: ладно, позвоню Евтуху. Он:

— Иосиф, я все знаю, не могли бы вы ко мне сейчас приехать?

Я сажусь в такси, приезжаю к нему на Котельническую набе-режную и он мне говорит:

— Иосиф, слушай меня внима-тельно. В конце апреля я вернул-ся из Соединенных Штатов...

А я вам должен сказать, что как раз в это время я был в Арме-нии. Помните, это же был год, ко-гда отмечалось 50-летие созда-ния Советского Союза? И каждый месяц специально презентовали какую-либо из республик, да? Так вот, для журнала «Костер», по за-казу Леша Лифшица, я собирал армянский фольклор и перево-дил его на русский. Довольно за-мечательное время было, между прочим...

Так вот, Евтух говорит:

— Такого-то числа в конце ап-реля вернулись я из поездки в Штаты и Канаду. И в аэропорту «Шереметьево» таможенники у меня арестовали багаж!

Я говорю:

— Так.

— А в Канаде в меня бросали тухлыми яйцами националисты! Ну, все как полагается — опе-ра! Я говорю:

— Так.

— А в «Шереметьево» у меня арестовали багаж! Меня все это вывело из себя, и я позвонил сво-ему другу...

У них ведь, у москвичей, все дру-зья, да? И Евтух продолжает:

— ...позвонил другу, которого я знал давно, еще с Хельсинкско-го фестиваля молодежи.

Я про себя выяснил, что это Андропов, естественно, но вслу-ху этого не говорю, а спрашиваю:

— Как друга-то зовут?

— Я тебе этого сказать не мо-гу!

— Ну ладно, продолжай.

И Евтушенко продолжает: «Я этому человеку говорю, что в Ка-наде меня украинские национа-листы сбрасывали со скалы! Я возвращаюсь домой — дома у ме-ня арестовывают багаж! Я поэт! Существо раннее, впечатли-тельное! Я могу что-нибудь такое написать — потом не оберешься хлопот! И вообще... нам надо по-видаться! И этот человек мне го-ворит: ну приезжай! Я приезжаю к нему и говорю, что я существо раннее и т.д. И этот человек обещает мне, что мой багаж бу-

дет освобожден. И тут, находясь у него в кабинете, я подумал, что, раз уж я здесь разговариваю с ним о своих делах, то почему бы мне не поговорить о делах дру-гих людей?»

Что, вообще-то, является абсо-лютной ложью! Потому что Евту-шенко — это человек, который не только не говорит о чужих де-лах — он о них просто не думает! Но это дело десятое, и я это вра-ные глотаю — потому что, ну, че-го уж!

И Евтушенко, якобы, говорит этому человеку:

— И вообще, как вы обращаетесь с поэтами!

— А что? В чем дело?

— Ну вот, например, Брод-ский...

— А что такое?

— Меня в Штатах спрашивали, что с ним происходит...

— Ну, Женя, спасибо. Тут Евтушенко говорит:

— Иосиф, они там понимают, что ты ни в какой Израиль не по-едешь. А поедешь, наверное, либо в Англию, либо в Штаты. Но коли ты поедешь в Штаты — не хоро-ни себя в провинции. Поселись где-нибудь на побережье. И за выступления ты должен просить столько-то...

Я говорю:

— Спасибо, Женя, за совет, за информацию. А теперь — до сви-дания.

Евтух говорит:

— Смотри на это как на длин-ное путешествие...

Ну, такая хемингуэвщина идет...

— Ладно, я посмотрю, как мне к этому относиться...

И он подходит ко мне и соби-рается поцеловать. Тут я говорю:

— Нет, Женя. За информацию — спасибо, а вот с этим, знаешь, не надо, обойдемся без этого.

И ухожу. Но чего я понимаю? Что когда Евтушенко вернулся из поездки по Штатам, то его вызва-ли в КГБ в качестве референта по моему вопросу. И он изложил им свои соображения. И я от всей души надеюсь, что он действи-тельно посоветовал им упро-стить процедуру. И я надеюсь, что моя высылка произошла не по его инициативе. Надеюсь, что это не ему пришлось в голову. По-тому что в качестве консультанта — он, конечно, там был. Но вот чего я не понимаю — то есть по-нимаю, но по-человечески поче-му не понимаю — это почему Евтушенко мне не дал знать обо всем точчас? Поскольку знать-то он мне мог дать обо всем уже в конце апреля. Но, видимо, его попросили мне об этом не гово-рить. Хотя в Москве, когда я туда приехал за визами, это уже было более или менее известно.

С.В. Почему вы так думаете?

И.Б. Потому что такая исто-рия там произошла. Ловлю я так-си около Телеграфа, как вдруг от-куда-то из-за угла выныривает поэт Винокуров

— Ой, Иосиф!

— Здравствуйте, Евгений Ми-хайлович.

— Я слышал, вы в Америку едете?

— Да это неважно! У меня в Америке родственник живет, Нав-розов его зовут. Когда туда прие-дет, передайте ему от меня привет!

И тут я в первый и в послед-ний раз в своей жизни позво-лил себе нечто вроде граждан-

ского возмущения. Я говорю Винокурову:

— Евгений Михайлович, на ва-шем месте мне было бы стыдно говорить такое!

Тут появился такси. И я в не-го сел. Или он в него сел, уж не помню. Вот что произошло. И вот почему я думаю, что в Сою-зе писателей уже все знали. Потому что подобные акции обыкновен-но происходили с ведома и при-содействия Союза писателей.

С.В. Я думаю, это все зафикс-ировано в соответствующих доку-ментах и протоколах, и они рано или поздно всплывут на свет. Но, с другой стороны, в подобных шекспировских ситуациях многое на бумаге не фиксируется. И ис-чезает навсегда...

И.Б. Между прочим, эту исто-рию с Евтушенко я вам первому рассказываю, как бы это сказать, for the record.

С.В. А как дальше развивались ваши отношения с Евтушенко?

И.Б. Дело в том, что у этой ис-тории были еще и некоторые по-следствия. Когда я только при-ехал в Америку, меня пригласили выступить в Квинс-колледже. Причем инициатива эта принад-лежала не славянскому департа-менту, а департаменту сравни-тельного литературоведения. По-тому что глава этого департамен-та, поэт Пол Цвайг, читал меня когда-то в переводах на фран-цузский. А славянский департа-мент — куда же им было девать-ся... И мы приехали — мой пере-водчик Джордж Клайн и я, — си-дим на сцене, а представляет нас почтенной публике глава славян-ского департамента Берт Тодд. А он был самый большой друг Ев-туха, такое американское alter ego Евтуха. Во всех отношениях. И вот Берт Тодд говорит обо мне: «Вот, какой-то странный обра-зом этим человек появился в Со-единенных Штатах...» То есть го-нит какую-то чернуху. Я думаю: ну, ладно. Потом читал стихи. Все нормально. «Нормальный ус-пех, стандартный успех» — кто это говорил? После этого на кок-тейль-парту ко мне подходят Берт Тодд:

— Я большой приятель Жени Евтушенко.

— Ну, вы знаете, Берт, при-ятель ваш говнецо, да и от вас во-няет!

И пересказал ему в двух или трех словах всю эту московскую историю. И забыл об этом.

Проходит некоторое время. Я живу в Нью-Йорке, преподаю, между прочим, в Квинс-коллед-же. Утром раздастся телефонный звонок, человек говорит:

— Иосиф, здравствуй!

— Это кто говорит?

— Ты уже забыл звук моего го-лоса?! Это Евтушенко! Мне хоте-лось бы с тобой поговорить!

Я говорю:

— Знаешь, Женя, в следующие три дня я не смогу — уезжаю в Бостон. А вот когда вернусь...

Через три дня Евтушенко встре-титься у него в гостинице, где-то около Коламбус Серкл. Подъез-жаю я на такси, смотрю — Евтух идет к гостинице. Замечательное зрелище вообще-то. Театр одно-го актера! На нем то ли лиловый, то ли розовый пиджак из джинс-ни, на груди фотоаппарат, на го-лове большая голубая кепка, а в обеих руках по пакету. Мальчик откуда-то из Джорджии приехал в большой город! Но, главное, это все на публике! Ну, это неваж-но... Входим мы в лифт, я помо-гаю ему с этими пакетами. В но-мере я его спрашиваю:

— Ну, чего ты меня хотел ви-деть?

— Вот, Иосиф, люди здесь, ко-торые раньше работали на мой имидж, теперь начинают рабо-тать против моего имиджа. Что ты думаешь о статье Роберта Конквеста в «Нью-Йорк Таймс»?

А я таких статей не читаю, и говорю:

— Не читал, понятия не имею.

Но Евтушенко продолжает жа-ловаться:

— Я в жутко сложном положе-нии. В Москве Максимов меня спрашивает, получил ли я уже звание подполковника КГБ, а ста-линисты заявляют, что еще уви-дят меня с бубновым тузом меж-ду лопаток.

Я ему на это говорю:

— Ну, Женя, в конце концов, эти проблемы — твои пробле-мы, сам виноват. Ты — как подвод-ная лодка: один отсек пробьют...

Ну, такие тонкости до него не доходят. Он продолжает расска-зывать, как они там в Москве за-теяли издавать журнал — «Мас-терская» или «Лестница», я уж не помню, как он там назывался, — и уж сам Брежнев дал «добро», а потом все застопорилось.

Я ему:

— Меня, Женя, эти тайны мад-ридского двора совершенно не ин-тересуют, поскольку для меня все это неактуально, как ты сам понимаешь.

Тут Евтух меняет пластинку:

— А помнишь, Иосиф, как в Москве, когда мы с тобой проща-лись, ты подошел ко мне и меня поцеловал?

— Ну, Женя, я вообще-то все хорошо помню. И если говорить о том, кто кого собирался поце-ловать...

И тут он вскакивает, всплески-вает руками, и начинается такой нормальный Федор Михайлович Достоевский:

— Как! Как ты мог это сказать: кто кого собирался поцеловать! Мне страшно за твою душу!

— Ну, Женя, о своей душе я как-нибудь позабочусь. Или Бог позаботится. А ты уж уволь...

В истории культуры не раз и не два встречались примеры того, как трудно бывало ужиться в одну эпоху двум творческим титанам. Достаточно вспомнить имена Вагнера и Брамса, Достоевского и Тургенева, Чайковского и Мусоргского... Эти случаи взаимного непонимания и подозрений всегда прискорбны, но, увы, «из песни слова не выкинешь». Замалчивать подобные ситуации — как это делалось у нас еще совсем недавно — нелепо. Мы должны о них знать, чтобы лучше понимать характер и творчество знаменитых художников, да и дух эпохи. Публикуемые нами отрывки — два свидетельства советского периода. Один взят из только что вышедшей в Нью-Йорке книги журналиста СОЛОМОНА ВОЛКОВА «Разговоры с Иосифом Бродским» (Conversations With Joseph Brodsky. A Poet's Journey Through the Twentieth Century. The Free Press. New York, 1998). Неприязненное отношение Бродского к Евтушенко хорошо известно. В 1987 году, когда Евтушенко был избран членом Американской академии гуманитарных и точных наук, Бродский демонстративно вышел из состава этой академии. Отрывок из книги помогает понять, в чем крылись корни этой вражды. В другом отрывке те же сцены предстают в изложении Евгения Евтушенко.

Тут Евтушенко говорит:

— Слушай, ты рассказал Берту Тодду о нашем московском раз-говоре... Уверю тебя, ты меня не-правильно понял!

— Ну, если я тебя понял не-правильно, то скажи, как звали человека, с которым ты обо мне разговаривал в апреле 1972 года?

— Я не могу тебе этого ска-зати!

— Хочешь, на улицу выйдем? На улице скажешь?

— Нет, не могу.

— Чего ж я тебя неправильно понял? Ладно, Женя, давай остав-им эту тему...

— Слушай, Иосиф! Сейчас за мной зайдет Берт, и мы пойдем обедать в китайский ресторан. Там будут мои друзья, и я хочу, чтобы ты ради своей души сказал Берту, что ты все-таки меня не-правильно понял!

— Знаешь, Женя, не столько ради моей души, но для того, что-бы в мире было меньше говна... почему бы и нет? Поскольку мне это все равно...

Мы все спускаемся в ресторан, садимся, и Евтушенко начинает меня подталкивать:

— Ну, начинай!

— Это уже полный театр.

Я говорю:

— Ну, Женя, как же я начну? Ты уж как-нибудь наведи!

— Я не знаю, как навести!

Ладно, я стучу вилкой по ста-кану и говорю:

— Дамы и господа! Берт, пом-нишь наш с тобой разговор про Женину участие в моем отъезде?

А он тупой еще, этот Тодд, по-мимо всего прочего. Он говорит: «Какой разговор?» Ну, тут я опять все вкратце пересказываю. И до-бавляю:

— Вполне возможно, что про-изошло недоразумение. Что я то-гда в Москве Женю неправильно понял. А теперь, дамы и господа, приятного аппетита, но я, к сожа-лению, должен исчезнуть. (А ме-ня действительно ждала при-ятельница.) Встаю, собираюсь уходить. Тут Евтух хватается меня за руки:

— Иосиф, я слышал, ты роди-телей пытаешься пригласить в гости?

— Да, представь себе. А ты от-куда знаешь?

— Ну, это неважно, откуда я знаю. Я посмотрю, чем я смогу помочь...

— Буду тебе очень признате-лен...

И ухожу. Но и на этом история не кончается! Проходит год или полтора, и до меня из Москвы до-ходят разговоры, что Кома Ива-нов публично дал Евтуху в глаз. Потому что Евтух в Москве тре-пался о том, что в Нью-Йорке к нему в отель приехал этот подо-нок Бродский и стал умолять помочь его родителям уехать в Штаты. Но он, Евтушенко, пред-ателям Родины не помогает. Что-то в таком роде. За что и получил в глаз!

Любимец Ахматовой

Съемка с обратной точки

— ... Вы, КГБ, сами делаете из писателей врагов. Почему, например, КГБ запретило выпу-скаль в Ленинграде книгу Любим-ца Ахматовой? Ведь его обвиняли в тунусадстве. Где же логика? По-чему вы не позволяете ему зара-батывать на хлеб своим трудом?

— Кто вам это сказал? — рас-сверил Человек с Глазами-Сверлами.

— Олег Шестинский, секре-тарь ленинградской писатель-ской организации.

— Вранье! — грохнул по столу кулаком Человек с Глазами-Сверлами, так что подпрыгнула проб-ка в графине. — Мы сказали Ше-стинскому, что это должен ре-шать Союз писателей. Тогда он трусливо попросил нашей пись-менной рекомендации печатать эту книгу. Но если я напишу та-кую рекомендацию, а этот ваш Любимец Ахматовой опять что-то выкинет, вроде попытки уд-рять на самолете, то я полечу с работы вверх тормашками... Но хватит об том. Он давно хотел уехать, и сейчас опять подал про-шение. Мы решили это положи-тельно. Он может уезжать, если ему так хочется.

— То есть как? Навсегда? — о-сто-лбенел я. — Но ведь это же страшная трагедия для поэта — оказаться вне языка. А он сможет вернуться?

— Это от него зависит, — ук-лончиво сказал Человек с Глаза-ми-Сверлами.

— Вы что думаете, он будет кричать на каждом перекрестке: «Да здравствует советская власть!»?

— Вы слишком нас примити-визируете... — поморщился он.

— Ну вы хоть не мучайте его напоследок всякими оскорбле-ниями, обвинениями в отсутст-вии патриотизма, как это часто делают с уезжающими, — упав-шим голосом сказал я.

— Я не могу отвечать за всех наших работников, как вы не можете отвечать за всех писателей, — раздраженно сказал он и вдруг нехотя добавил: — Но я постара-юсь проследить.

— Скажите, а я могу расска-зывать ему о нашем с вами разго-воре? — спросил я.

— Ваше дело, — ответил он. — Хотя... — он сделал паузу, — не советую.

К сожалению, к этому его со-вета я не прислушался.

Любимец Ахматовой приехал ко мне, и я до мельчайших по-дробностей рассказывал ему, как и почему я оказался в КГБ и о чем шел разговор.

Хотя Любимец Ахматовой давно добивался разрешения на отъезд, он был ошарашен, подав-

лен. В тот день в нем не было ни признака высокомерия. Я прово-дил его к лифту.

— Женя, только, пожалуйста, что бы ни случилось, никогда не думайте обо мне плохо... — не-ожиданно на «вы», хотя мы уже давно были на «ты», вдруг сказал он мне. Дверь лифта раскрылась. Он туда вошел и как будто рух-нул вниз.

Я старался о нем не думать плохо, и стараюсь не думать пло-хо теперь. Но он не смог про-стить мне пиджака, который я по простоте душевной хотел наки-нуть на его плечи.

Из-за границы до меня стали доходить слухи о том, что полу-прямо-полукосвенно он до-вольно скверно отзывался обо мне, да еще и намекая, что я как-им-то образом участвовал в его «выдворении» из Советско-го Союза.

Я был потрясен. Оказавшись в Нью-Йорке, я позвонил ему, и он приехал в мою гостиницу.

Он был весь в китиновом пан-цире высокомерия.

Я спросил его:

— Ты, наверно, ненавидишь тех, кто в тридцать седьмом году писал ложные доносы? В сущно-сти, то, что сделал ты, — это тоже ложный донос на меня...

Он заносчиво оборвал меня:

— Я еще не встречал человека, достойного моей ненависти.

— Как ты мог говорить, что я участвовал в том, как тебя на-силъно выжили из Родины?

Он ошенился:

— Но ты же мне сам красноре-чиво поведал, как ты был практи-чески консультантом КГБ по мо-ему вопросу.

— То есть... — ошеломленно переспросил я.

— Ты сам признался мне, что посоветовал им не мучить меня напоследок...

Я не выдержал и закричал:

— Если я увижу, что на другой стороне улицы пьяный миллион-нер бьет сапогом в живот бере-менную женщину, и я пересеку улицу и скажу ему: «Не смейте бить ее в живот, она беременна!» — это что, означает, что я кон-сультант милиции?

Он молчал, опустив голову.

— Твои стихи я буду читать, — сказал я. — Но руки тебе я не по-дам никогда. Уходи.

Он надел пальто, поднял во-ротник, как будто идет дождь, но стоял и не уходил.

И вдруг он мне сказал простое, человеческое, как тогда у лифта:

— Ты никогда не был в эми-грации. Ты не знаешь, как это страшно. Может быть, для поэта — особенно. Начинаешь неволь-но искать виноватого в том, по-чему ты оказался вне родины... Прости меня...

— Это ты сказал мне с глазу на глаз, — ответил ему я. — Но сколь-ким ты говорил совсем другое.

— Что я могу сделать? — спро-сил он.

— Сейчас я иду на обед с мои-ми американскими друзьями. Сможешь ты извиниться передо мной в их присутствии?

— Да, — сказал он.

Его мучительно выдвинувшая на обеду формула извинения прозвучала так:

— Я знаю, что вы все — друзья Жени. Я хочу, я должен... в вашем присутствии попросить у него про-щения за то, за то... что я говорил о нем то, чего он не заслуживал...

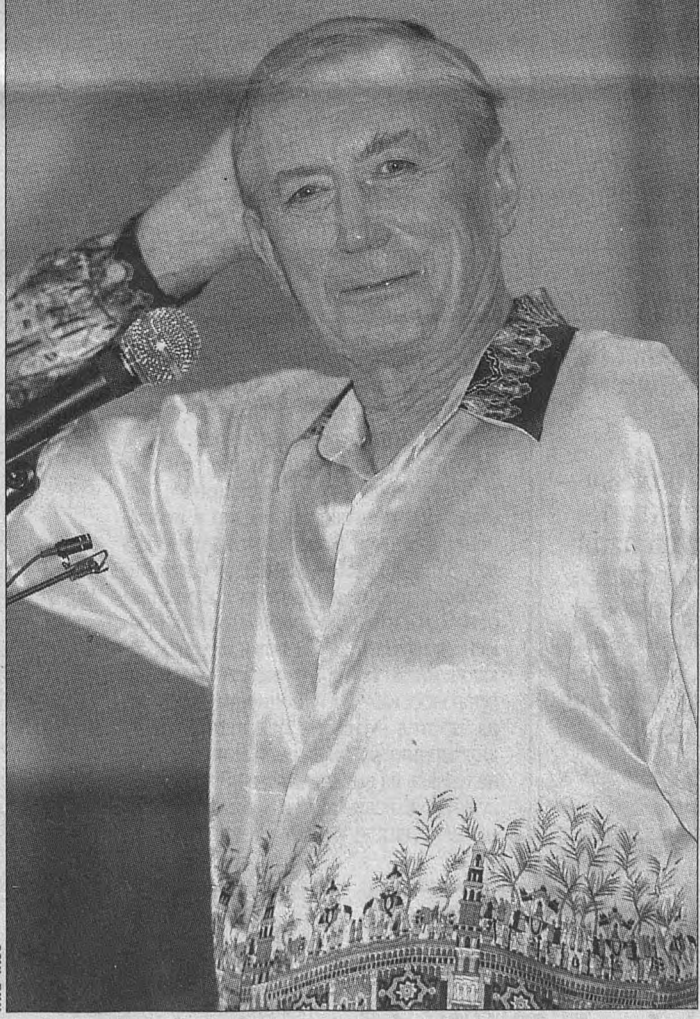
— Простите, я не совсем по-нял, о чем вы говорите. Может быть, вы поясните нам попо-дробней, — стал вальсировать один мой американский друг, хо-тя он все прекрасно понял.

Я прервал его, потому что ина-че все могло бы превратиться в пытку. Мы обнялись с Любимцем Ахматовой в знак примирения.

Но через полчаса он снова на-чал говорить то же самое...

О, эпоха, мать уродов, как ис-коржила ты даже самых своих талантливых детей! Чего же тогда ждать от бесталаннейших?

Евгений Евтушенко. Не умирай прежде смерти. Рус-ская сказка. Liberty Publishing House. New York. 1993 (отрывок)

«Я старался о нем не думать плохо, и стараюсь не думать плохо теперь»